

Эпос „Калевала“ и его творцы

1

Свыше ста лет прошло с тех пор, как эпос карело-финского народа — «Калевала» — появился в мировой литературе.

Это сокровище народной поэзии дошло до нас в виде цельного эпического произведения благодаря многолетнему труду Элиаса Лённрота (1802 — 1884), посвятившего ему всю свою жизнь.

Скромный сельский лекарь, сын деревенского портного, он глубоко понимал народную поэзию и любил ее. Еще в 1828—1834 годах он совершил несколько поездок в глубь Карелии с целью собирания рун и записал там сотни эпических рун, лирических песен и заговоров. Выбрав из них лучшие и присоединив к ним некоторые из ранее записанных народных рун, он опубликовал в 1835 году первое издание эпоса под названием «Калевала, или старые руны Карелии о древних временах финского народа».

Лённрот, однако, не удовлетворился этим неполным собранием, куда вошло 12 078 стихов, и с неослабевающей энергией продолжал поиски рун в беломорской Карелии (1835—1837) и в тогдашней финляндской Карелии и Олонце (1841 — 1842). Он мог также пользоваться увеличивавшимся из года в год запасом записей других собирателей рун. Выбрав лучшие из многочисленных вариантов и готовых циклов, Лённрот соединил их, следуя в этом отношении традициям народных певцов и учитывая некоторые их указания. Так был составлен окончательный текст «Калевалы», вышедший в свет в 1849 году и содержащий пятьдесят рун (22 795 стихов).

«Родиной этих поэм, — писал Лённрот, — является Карелия по обе стороны государственной границы Финляндии и России». Почти все народные поэмы, из которых составлена «Калевала», записаны на территории, принадлежащей ныне Карельской Автономной Советской Социалистической Республике. «Наилучшей и самой богатой колыбелью рун, — подчеркивал Лённрот в предисловии к «Калевале», — является во всяком случае приход Вуоккиниemi в Беломорье (или в Архангельской губернии)». Эта наилучшая и самая богатая колыбель рун носит ныне название Калевальского района.

III

То обстоятельство, что «Калевала» была в окончательном виде составлена Лённротом, не дает оснований отрицать народный характер эпоса: Лённрот составил «Калевалу» из подлинных народных рун и, сводя их воедино, соблюдал верность духу народной поэзии Карелии.

Руны, вошедшие в «Калевалу», являются настоящим творчеством народа. Это подтверждается, во-первых, тем фактом, что певцы рун были не профессионалами, а простыми людьми из народа, певшими руны из поколения в поколение, на досуге, после тяжелого труда. Во-вторых, руны создавались и исполнялись не для услаждения господствующих классов, но на радость трудовому народу. Руны повествуют об обществе, в котором не было аристократии, о героях, которые были людьми труда. Таким образом, «Калевала» представляет собой подлинно народную поэзию как по содержанию, так и по форме.

В этом отношении «Калевала» отличается от многих эпических произведений прошлых лет. Такие эпосы эпохи феодализма, как немецкая «Песнь о Нибелунгах» и скандинавская «Эдда», составлены певцами-профессионалами, воспевавшими легендарных героев на пиршествах князьков. Правда, эти профессиональные певцы использовали в качестве материала тоже народные предания, сказки или руны, но они обрабатывали их в соответствии с вкусами и пожеланиями своих аристократических покровителей. Окончательное составление этих произведений было делом одного или нескольких лиц, но песенный материал, из которого они составлялись, был переработан в направлении, требуемом господствующими классами.

В Финляндии предпринимались попытки истолковать и поэзию «Калевалы» как поэзию аристократии. Но поскольку в Карелии, где руны были найдены, никогда не существовало ни финской, ни какой-либо другой аристократии, иные исследователи фольклора построили некую «вспомогательную» теорию, по которой руны «Калевалы» первоначально якобы зародились на западе Финляндии и позднее, по прошествии столетий, двинулись через всю страну на восток, «осев», наконец, в дремучих лесах Карелии.

Элиас Лённрот и его современники считали бесспорным, что руны «Калевалы» не только сохранились, но и родились среди карельского народа. Однако после смерти Лённрота некоторые националистически настроенные фольклористы, особенно К. Крон и его школа, систематически делали попытки опровергнуть это положение. По их мнению, такое произведение поэтического творчества, как «Калевала», ценнейшее из того, что создано на финском языке, не могло зародиться среди бедного и неграмотного карельского народа.

Однако многолетние усилия Крона и его школы оказались тщетными, ибо невозможно доказать недоказуемое. В западной Финляндии не было найдено рун, относящихся к тематике «Калевалы», как не было обнаружено героико-эпических песен, хотя их и искали, начиная со времен Микаэла Агриколы, то есть с XVI века. Там найдены, главным образом, не представляющие поэтической ценности католические легенды и полурелигиозные заклинания. Несмотря на это, К. Крон сочинил опирающуюся на целую цепь предположений теорию, согласно которой героические песни «Калевалы» зародились в западной Финляндии в позднее средневековье и «предположительно» пелись в домах тогдашней финской аристократии и «предположительно» распространялись бродячими профессиональными певцами и школярами (которые в действительности пели песни совершенно иного рода).

В 1918 году Крон, однако, решил отречься от этой теории и заменить ее новой, «улучшенной»: он отодвинул время зарождения рун «Калевалы» примерно на полтысячелетия назад, то есть от позднего средневековья на конец периода скандинавских викингов-варягов. Что заставило его вдруг так стремительно изменить свою научную позицию? В «Руководстве по эпическим песням Калевалы» он дал такое «психологическое» объяснение:

«Во время борьбы за нашу самостоятельность (то есть во время гражданской войны в Финляндии в 1918 году.— О. К.) моему взору представилась эпоха, последовавшая за периодом скандинавских викингов, когда финны, со своей стороны, самостоятельно совершали морские походы на побережье Швеции».

Каким образом политическая ситуация, гром классово́й войны в Финляндии в 1918 году породили в голове профессора Крона совершенно антиисторическую фантазию? Он выдумал целую героическую эпоху финских морских разбойников, чтобы затем к этой эпохе притянуть и чудо зарождения рун «Калевалы».

Увлеченные этой варяжской «теорией», некоторые другие финские исследователи (Я. Яакола, Уно Харва) творили легенды о периоде финских викингов и маскировали героев «Калевалы» под западнофинских морских разбойников. Эта «научная» деятельность особенно развернулась с того времени, когда среди германских фашистов стал модным языческий культ Вотана. Таким образом, эти ученые рассчитывали изобразить руны «Калевалы» как поэзию аристократии (ибо вожаки морских разбойников — если таковые были в Финляндии — уже являлись представителями своего рода аристократии периода варварства) и, наконец, превратить древних исполнителей рун «Калевалы» в таких же певцов-викингов, какими были скандинавские скальды.

Совершенно очевидно, что все это — такие же домыслы, как и предыдущая «теория» К. Крона. Известны имена и биографии многих скандинавских скальдов, но неизвестен ни один финский скальд или какой-либо другой певец-викинг, который пел бы на финском языке. Если же мы на минутку представим себе, что такой певец существовал, то сразу возникает вопрос: с какого рода поэзией он мог бы выступать перед слушателями? Несомненно лишь, что в его песнях должны были бы отразиться в какой-то форме общественные условия периода разложения родового строя, когда в странах Скандинавии уже существовала варяжская аристократия. Но в рунах «Калевалы» ничего подобного нет. Они отражают совершенно иные общественные условия, которые не могли послужить материалом для певца-виканга, а если бы и послужили, то вряд ли это вызвало бы одобрение варяжских военачальников.

Этого обстоятельства не учли представители школы К. Крона. Они не пожелали основательно изучить вопрос о том, в каких общественных условиях могла зародиться и расцвести поэзия «Калевалы». Их исследования лишены реальной научной основы.

Если предположить, что в западной Финляндии в древности были зачатки эпической народной поэзии, то ее рост и развитие прекратились во всяком случае до XVI века вследствие изменившихся общественных условий. Никакие факты не указывают на то, что зародыши рун тогда — или когда-либо вообще — начали передвигаться с запада на восток. Этот домысел совершенно неестественен. Какая сила, какой магнит могли беспрестанно притягивать эти руны в одном и том же направлении? В тех районах, где существовал живой интерес к народной поэзии, руны и рождались, развиваясь, широко распространяясь из одной местности в другую, из деревни в деревню. В тех же районах, где интерес к этой поэзии увядал, руны не получали развития и не могли куда-либо перекочевывать. Уже по этой простой причине искусственные построения К. Крона о странствовании рун, которые немало превозносились за границей, пора сдать в архив ненаучных «открытий».

Теория Крона не может быть спасена даже подробным сравнением тематики и языкового материала карельских рун с тематикой и языком рун иных местностей. Если оставить в стороне мнимые сходства и беспристрастно оценить действительные, то наличие таких совпадений в большинстве случаев легко объяснимо иным и более естественным образом, чем это преподносит Крон в своем учении о странствовании рун.

Народная поэзия древних карелов в своем развитии несомненно использовала в качестве материала также и дошедшие до них из других краев сюжетные мотивы и языковые элементы. Такой материал был заимствован не только с запада, но также с юга и с востока (славянские влияния). Но нельзя забывать, что материал остается материалом, а поэзия есть поэзия, так же как дерево остается деревом, а резьба по дереву есть искусство. Именно на плодотворной карельской земле из простого сюжетного материала — как местного, так и полученного извне — зародилась и расцвела подлинная эпическая поэзия, высокохудожественная по содержанию и форме.

В Карелии собраны многие тысячи народных рун. Только в северной российской Карелии было собрано в XIX веке почти пять тысяч вариантов рун, записанных от семисот народных певцов. Однако лишь часть этих рун относится к тематике «Калевалы». В вышедшем в 1908 году в Хельсинки сборнике народных рун опубликовано 1027 эпических рун на темы «Калевалы», собранных от ста двух певцов беломорской Карелии. Из этих рун Э. Лённроту были известны около 450 вариантов (более половины собрано им самим). Кроме них, в его распоряжении было при составлении «Калевалы» некоторое количество эпических рун, собранных в тогдашней финляндской Карелии и Ингерманландии,¹ и большое количество лирических песен, свадебных напевов, заклинаний и заговоров, найденных как в российской, так и финляндской Карелии.

Таким образом, в Карелии имелось изобилие рун и множество певцов. Почти все песнопевцы прошлого столетия были бедные крестьяне, охотники или рыбаки. Певцами эпических рун в большинстве своем были мужчины, лирические же песни и свадебные напевы исполнялись обычно женщинами. Наиболее талантливым певцом рун в северной Карелии был Архип Перттунен — бедный крестьянин из местечка Латваярви. От него записано шестьдесят рун, лучших по художественным достоинствам и довольно больших по объему. Его отец тоже был выдающимся певцом. Много песен знала и его сестра. Сын Архипа — Михаил — впоследствии стал отличным певцом; от него записано около семидесяти рун. В местечке Войницы в северной Карелии жили талантливые певцы Андрей Малинен и Василий Киелевяйнен. Наиболее знаменитыми певцами тогдашней финляндской Карелии были Симана Сиссонен и Михаил Шемейка. В роду последнего было и еще несколько хороших певцов.

Еще в начале прошлого столетия народ Карелии проявлял живой интерес к поэзии. Хорошие певцы пользовались уважением. Согласно старинным обычаям, на крестьянских празднествах и сходках постоянно исполнялись древние руны и зачастую специально приглашались лучшие певцы. Два певца — запевала и помощник — садились обычно друг против друга или рядом, держась за руки. Они пели, мерно покачиваясь в такт песне. Запевала начинал каждую строфу один, а к концу строфы к нему присоединялся помощник, который затем повторял всю строфу. Иногда пение рун сопровождалось игрой на кантеле.

У кого эти народные певцы учились своим рунам? Чаще всего у родителей, хранивших эти руны в памяти как поэтическое наследие предков. Многие слышали их от своих отцов на охоте и рыбной ловле. Так, например, старый Архип Перттунен рассказывал Э. Лённроту о своей молодости, когда он бывал вместе со своим покойным отцом на рыбалке:

«Когда мы рыбачили, то отдыхали на берегу озера Лапукка возле костра — вот где вам нужно было бы побывать! У нас был помощником один местный житель, тоже хороший певец, хотя и не мог сравниться с покойным отцом. Целыми ночами они пели у костра, держась за руки, и никогда в одну ночь не пели дважды одной руны. Я, мальчишка, сидел и слушал и выучил так свои лучшие песни».

Дети из поколения в поколение перенимали руны от своих родителей, и старые руны сохранялись довольно хорошо. Но наряду с этим происходили изменения в тексте рун при их распространении из одной местности в другую. Этот процесс описан Лённротом в предисловии к «Калевале» следующим образом:

«На празднествах или иных сходках кто-нибудь слышит новую песню и старается запомнить ее. Распевая ее при случае перед новыми слушателями, он точнее помнит само содержание, чем дословно все обороты. Те места, которые он не запоминает дословно, он пересказывает своими словами, иногда, возможно, даже более красивыми, чем раньше, и если он забывает какую-нибудь мелочь, то, очевидно, чем-нибудь восполняет это. Таким же образом поступают с песней последующие певцы,

¹ Ингерманландия — земли, лежащие в долине р. Невы и по юго-восточным берегам Финского залива.

и песня поемному изменяется, однако в большей степени в отдельных выражениях и оборотах, чем по самому содержанию».

Следовательно, та народная поэзия, которую Лённрот нашел в Карелии, была результатом длительного творческого процесса. Это были плоды «поэтических посевов», которые, по выражению Лённрота, «с течением сотен, а возможно, и тысяч лет выросли и приумножились». Народ Карелии издавна ощущал духовную потребность «слушать радость вековечных песен», и эта общественная потребность воодушевляла многочисленных талантливых народных певцов к дальнейшему развитию песенной культуры Карелии.

Но, очевидно, период высшего расцвета героико-эпических рун уже миновал к тому времени, когда Лённрот пожал урожай рун на песенных полях Карелии. Почти все пожилые рунопевцы уверяли, что в их молодости певалось больше старых прекрасных рун, и сожалели, что большую часть из них они забыли. Архип Перттунен чуть не заплакал от волнения, когда рассказывал Лённроту (в 1834 году) об увядании интереса к эпосу и уменьшении богатства рун:

«Старых песен уже не любят так, как в моем детстве (в XVIII веке.— *О. К.*), когда их исполняли и на работе и на досуге... Если бы тогда кто-нибудь собирал эти руны, как вы теперь, он даже за две недели не успел бы записать хотя бы того, что знал только мой отец».

Очевидно, в те годы, когда Лённрот совершал свои поездки в Карелию с целью собирания рун, можно еще было спасти хранившиеся в народном предании ценнейшие древние руны, ибо общественные условия даже в дальних уголках Карелии уже изменились, внося изменения и в содержание песен, рождая новые темы, вытеснявшие старинную поэзию. Распространение товарного хозяйства в самые отдаленные и глухие уголки страны уже положило начало обнищанию широких крестьянских масс. Этому способствовала и угнетательская политика царизма. Одновременно церковь, духовенство и религиозные секты сеяли среди народа религиозные предрассудки, наряду с которыми продолжали существовать всякого рода суеверия.

Положение трудящегося народа Карелии все более ухудшалось. Нестерпимая нужда и нищета, усиливавшиеся эксплуатация и классовый гнет как в финляндской, так и в российской Карелии неизбежно вытесняли старые традиции эпического песнопения. Культура старинных героико-эпических рун увядала. И только при советской власти она возродилась в Карелии, сочетав старинную традицию с содержанием новой, социалистической эпохи.

4

Каждый, кто внимательно вчитывается в руны «Калевалы», не может не заметить, что в них отражается иная, более ранняя общественная формация, чем та, которая существовала в Карелии в период собирания рун. В 30-е годы прошлого столетия, когда Лённрот посетил отдаленные уголки Карелии, здесь уже образовалось классовое общество периода раннего капитализма, но народные певцы пели издавна унаследованные руны, в которых запечатлены черты древнего, первобытного родового общества.¹

Научная этнография считает доказанным, как известно еще со времен Л. Г. Моргана (1870), что человечество в своем развитии прошло через родовую организацию общества.

Древние предки карело-финского народа несомненно составляли жившие родовыми общинами племена уже тогда, когда они в первом тысячелетии нашей эры, как говорят исследования историков,

¹ Эту точку зрения впервые высказал литератор-марксист Юрье Сирола в своих статьях от 1935 года. В том же году профессор Ленинградского университета Е. Кагаров в своей статье «Калевала» как устный эпос родового общества» (журнал «Историк-марксист», № 4) изложил по данному вопросу довольно детальную этнографическую аргументацию, которая, однако, не свободна от переоценки магического элемента «Калевалы».

пришли на Карельский перешеек и продвинулись далее на север и северо-запад. Когда именно они осели на территории нынешнего Калевальского района, об этом нет еще вполне ясных свидетельств. Ясно только то, что если бы в Карелии родовое общество в начале или середине второго тысячелетия уступило место феодальному обществу, то это изменило бы характер и содержание народных эпических песен. Нечто подобное произошло в Эстонии, где народ на многие века подпал под иго псов-рыцарей. Феодально-христианская идеология здесь всячески удушала эпическую поэзию. В XIX веке, в пору подъема антифеодального и национально-освободительного движения, эпическая поэзия пробивает себе дорогу из того подспудного состояния, в котором сохранила ее память народа, но в отличие от дофеодального эпоса она получает антикрепостническое направление. Эстонские просветители-демократы Ф. Р. Фельман и Ф. Р. Крейцвальд, создавая по материалам народных преданий, сказок и песен эпос «Калевипоэг», обращаются и к поэзии «Калевалы», черпая в сокровищнице родственного карело-финского народа ряд ее мотивов, ее образный строй... В южной Карелии, в районе Олонца и на Карельском перешейке, феодальные отношения также привели к тому, что эпическая поэзия, относящаяся к тематике «Калевалы», не получила значительного развития.

В северных же районах расселения карельского племени народ избежал гнета феодализма. Независимо от того, обитали ли карелы западнее или восточнее, они жили во всяком случае в таких глухих лесных дебрях, что в этих районах не знали власти помещиков и еще долго просуществовал родовой быт с его натуральным хозяйством. Здесь, в отдаленных уголках дремучей бездорожной тайги, сохранился как бы оазис, где народ долгое время не знал классового гнета, в то время как в целом в России и Финляндии (подвластной в XII—XVIII веках Швеции) господствовал феодализм и начал свое развитие капитализм.

Разложение и исчезновение общинно-родового строя происходило в Северной Карелии под воздействием капиталистических отношений, которые распространялись и укоренялись здесь чрезвычайно медленно и гораздо позже, чем на западе и юге Финляндии. И даже после разложения общинно-родового строя среди тех карелов, которые жили в глуши российской Карелии, сохранились явные пережитки родовой общины, которые содействовали сохранению вековых традиций пения рун.

Благодаря этим обстоятельствам в беломорской Карелии еще в первой половине XIX столетия обнаружилось богатые запасы калевальской эпической поэзии. Эта поэзия могла зародиться в весьма глубокой древности. Когда она возникла, сказать невозможно, но решающее значение имеет не этот вопрос, а то обстоятельство, что благоприятные для существования этой поэзии общественные условия были налицо у карельского народа даже в такое позднее время, как XVI и XVII столетия.

Язык «Калевалы», разумеется, еще не знает такого понятия, как «общество». Он не знает также понятия «государство». О «племени», а также о «семье» в «Калевале» говорится весьма редко, но постоянно употребляется понятие «род».

Название «род» применяется в «Калевале» подчас в узком смысле, когда под этим словом подразумевается только родня. Однако чаще всего понятие «род» употребляется в более широком смысле, как, например, в третьей руне, где мать Ёукахайнена говорит, что она всегда желала принять «в свой род великого мужа Вяйнямёйнена в зятя», и в одиннадцатой руне, где мать Лемминкяйнена говорит своему сыну: «Ведь тебя туда не примут, в знаменитый род Саари». «Род Калевы» и «люди Вяйнёлы» употребляются как синонимы. Во многих местах понятие «род» приравнивается к такому обширному понятию, как «народ». Так, например, в руне сорок третьей Лоухи угрожает Вяйнямёйнену: «Изведу народ твой мором и весь род твой уничтожу»; а в сорок пятой руне Лоухи восклицает:

Ой ты, Укко, бог верховный!
Калевы народ сгуби ты...
Уничтожь их род противный!

В руне тридцать шестой Куллерво несколько раз повторяет вопрос своим родным:

Ты поплачешь ли о сыне,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?

Таким образом, смерть приравнивалась к «выбытию из рода». Ясно видно, что принадлежность к роду была основой жизнеустройства калевальского народа. Именно род или группа родов составляла тогдашнее общество. Вне рода не существовало общественной жизни. Характерным является также и то, что эпическую руну в «Калевале» называют «родовым напевом».

В «Калевале», как и в эпосах других народов, можно обнаружить наслоения, отражающие различные ступени общественного развития. К наиболее раннему периоду относятся, видимо, мифологические строфы «Калевалы» и некоторые черты, отражающие остатки матриархата. Но столь древние элементы встречаются в «Калевале» лишь в виде исключения, так же как и некоторые чужеродные элементы, которые пристали к рунам «Калевалы» в более поздние времена. В основном своем содержании эпика «Калевалы» отражает первобытное общество на третьей, или высшей ступени варварства.

Фридрих Энгельс, характеризуя общество на третьей ступени варварства, говорит, что это была прежде всего «эпоха железного меча и вместе с тем железного плуга и топора». Эти признаки мы находим в калевальском обществе.

Меч — боевое оружие героя «Калевалы». Наряду с ним, правда, сохранилось и старое оружие — лук со стрелой и копьё, но в рунах воспевается именно меч.

Каменные орудия труда в обществе «Калевалы» уже не применяются. Не употребляются также оружие и орудия труда, изготовленные из бронзы. Напротив, в «Калевале» встречается множество железных орудий труда и других предметов. К ним калевальцы всегда относятся с большим интересом, и это объясняется, очевидно, тем, что применение железа и эффективность железных орудий труда воспринимались в те времена как новшество.

В этой связи следует отметить также весьма важную черту в развитии общественного разделения труда: выделение первого ремесла из сельского хозяйства в качестве самостоятельной профессии. Это — ремесло кузнеца.

И в других отношениях в обществе Калевалы развитие производительных сил уже находится на более высокой ступени, чем в каменном веке. Правда, калевальцы являются еще в такой же степени охотниками и рыбаками, как и земледельцами, да и земледелие у них не развилось дальше подсеčno-огневой системы. Однако земледелие и входившее в обязанности женщин скотоводство уже давали членам рода такое количество продуктов питания, что обычно калевальцы не жалуются на нужды (только дом Лемминкяйнена называют «бедной деревней», где ощущалось «бесхлебье и безрыбье»).

Если сравнить отражающиеся в «Калевале» общественные условия, например, с тем обществом, которое изображается в эпосах Гомера, то ясно видно, что последнее представляет значительно более развитую стадию разложения родового общинного строя. Все герои «Калевалы» и даже самый авторитетный из них — «отважный певец» Вяйнямёйнен — сами занимаются физическим трудом. Внутри родового общества времен «Калевалы» еще не было деления на богатых и бедных. Между отдельными родами (но не между членами одного рода) могли быть и значительные различия, в руне подчеркивается, например, что Вяйнямёйнен (как и Кюллики) был из «большого рода», в то время как Лемминкяйнен сам подтверждает, что его род невелик. Только в свадебных напевах, которые, очевидно, относятся не к периоду родового строя, а к более позднему времени, упоминаются «убогие» и «бедные», а также «скиталица», которая «на деревне все пороги знала».

Правда, и в «Калевале» рассказывается о стремлении к богатству и власти, но этими качествами наделены не герои «Калевалы», а их главный враг, Лоухи, властная хозяйка Похьёлы, которая в борьбе за свои корыстные цели в конце концов терпит полное поражение.

Как в «Илиаде», так и в «Калевале» рассказывается об обществе, в котором были рабы, но в гомеровской древней Греции рабство становится существенной составной частью общественной системы, ее классовой основой, на которую экономически опиралось общество свободных людей.

В обществе же «Калевалы» нет класса рабов, хотя и упоминается о существовании отдельных рабов. Рабство здесь появляется только спорадически, как это первоначально имело место у многих народов на второй ступени эпохи варварства. У Вяйнямейнена, согласно «Калевале», нет ни одного раба, у кузнеца Ильмаринена несколько рабов, раздувающих мехи, у Лемминкяйнена — один раб, у хозяйки Похьёлы имеется рабыня, «что посуду плохо мыла». Во всех случаях раб явно служит помощником в труде, но он зависим в такой степени, что может быть и продан. Дальше этой первоначальной стадии рабство и не развивалось в северной Карелии.

Характерно, что в «Калевале» встречается наряду с названием «раб» и более позднее понятие — «наемник». Так, например, рабы Ильмаринена называются и наемниками. Об особом положении раба Куллерво будет сказано ниже.

В Греции того периода, который отражается в поэмах Гомера, в рамках родового строя господствовала военная демократия и успела уже образоваться аристократия из военачальников.

В «Калевале» не существует никакой военной организации, и калевальские герои не являются ни военачальниками, ни аристократами. В рунах «Калевалы» отражается главным образом общинно-родовое общество, которое Маркс и Энгельс нередко характеризовали как «первобытный коммунизм».

Следовательно, «Калевала» представляет более ранний период общественного развития, чем «Илиада». Оба эпоса отражают период, соответствующий третьей ступени варварства, когда, по словам Энгельса, «все культурные народы переживали свою героическую эпоху». Но «Калевала» застала эту эпоху в начальной стадии, в «Илиаде» она уже достигла полного развития, и хотя «Калевала», очевидно, возникла значительно позднее «Илиады», по своему социальному возрасту, если так можно выразиться, это более древний эпос.

В условиях древней Греции, как они отображены у Гомера, внешняя культура военной аристократии, естественно, носила гораздо более развитый характер, чем материальная культура родового общества, изображенного в «Калевале». Однако и это общество обладало довольно развитой и своеобразной культурой. Уже в такие поздние времена, как начало XIX века, Элиас Лённрот подметил в российской Карелии, у местного карельского населения, черты «некоторой внешней культуры, унаследованной с древних времен, и своеобразные следы какой-то коллективной жизни». «Об этом напоминают красивые свадебные наряды, ласкательные имена женщин, известное чувство красоты, выкрашенные пристани, вымытые полы, хорошо убранные и засаженные рябиной дворы и т. д.» — писал Лённрот. Важнейшим проявлением духовной культуры было процветание эпических рун, которые карельский народ веками создавал и лелеял и которые дошли до нас в виде такого великолепного памятника, как «Калевала».

5

Ряд финских исследователей фольклора и древней истории — К. Крон, Я. Яаккола, Ууно Харва, не желавшие принять во внимание отражающиеся в рунах «Калевалы» общественно-исторические условия, блуждали по морям и океанам, отыскивая (обязательно где-нибудь в Швеции или Германии) объяснения отдельных эпизодов, встречающихся в «Калевале». Однако их поиски привели только к искусственным, лишенным научной ценности фантазиям, вроде утверждения, будто Вяйня-

мёйнен совершал разбойничьи набеги на остров Готланд или на шведское побережье. Ни там, ни в других местностях не сохранилось исторических свидетельств, благодаря которым можно было бы представить важнейшие эпизоды «Калевалы» (поход за Сампо и др.) как описания определенных событий, хотя возможно, и даже вероятно, что первоначально эти эпизоды имели то или другое историческое основание.

«Калевала» является не исторической хроникой, а поэзией. Это — плод поэтического творчества народа древней Карелии, и в первую очередь ее следует рассматривать и оценивать с этой точки зрения.

Тема противоположности и борьбы между народом Калевалы и народом Похьёлы является в рунах «Калевалы» основной темой.

Светлой, солнечной Калевале противостоит мрачная, холодная Похьёла, которую обычно называют страной мрака («Пиментола»). Похьёла является обиталищем лютых извергов. Попадая туда, человек чувствует, что он пришел в край «людоедов» и «злодеев». Во дворе Похьёлы —

Сто столбов там возвышалось...
Сотни там голов на кольях.

Жители Калевалы высоко чтут труд и трудолюбие. Это чрезвычайно важное явление, явно вытекающее из коллективного характера труда в общинно-родовом обществе. У обитателей Похьёлы труд не в почете. Властная хозяйка Похьёлы, Лоухи, выказывает презрение даже такому искусному кузнецу, как Ильмаринен, трудившемуся в поте лица своего, обзывая его «мокромобым».

Жители Калевалы почитают знание, пение рун, музыку и красоту. Похьёла же является страной мрака и в духовном смысле. Это обиталище злых колдунов и ведьм. Лоухи — самая злобная и опасная ведьма. Она руководствуется корыстными побуждениями — завистью, алчностью и властолюбием.

Борьба героев Калевалы против корыстных вожделений Лоухи и Похьёлы за всеобщее счастье своего народа, как основная тема эпоса проявляется, правда, со всей отчетливостью только к концу эпоса, в 39—49 рунах. Отдельные походы Лемминкяйнена в Похьёлу являются сами по себе смелыми и боевыми, но в их описании на первом плане показаны мотивы личного характера. Читая среднюю часть эпоса, где главные герои «Калевалы» выступают соперниками в сватовстве за прекрасную деву Похьёлы, руку которой получает Ильмаринен, можно подумать, что между Похьёлой и Калевалой наступает мир и согласие. Но главный бой между Калевалой и Похьёлой еще впереди.

Основным источником обогащения Похьёлы и материальной основой власти Лоухи является чудо-мельница Сампо, которая беспрестанно производит различные ценности:

И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — на пирушки.

Сампо является творением калевальского мастера, знаменитого кузнеца Ильмаринена. Хозяйка Похьёлы, в свое время воспользовавшись бедственным положением Вяйнямёйнена, вынудила его послать Ильмаринена в Похьёлу для изготовления Сампо. Руками Ильмаринена и был создан этот удивительный механизм, которого и сам мастер не смог изготовить вторично. Сразу после создания Сампо Лоухи запрятала его в каменную пещеру Похьёлы за девять замков.

Герои Калевалы считают несправедливым то, что Лоухи держит этот источник благосостояния народа в своем владении. Они отправляются в Похьёлу и требуют «дележа» Сампо, чтобы

половину всех производимых им благ получал народ Калевалы, именно народ в целом, а не отдельные лица. Лоухи отвергает их требование, надменно отвечая:

Меж тремя не делят белку
И не делят куропатку.
Хорошо вертеться Сампо
И шуметь здесь пестрой крышке
В глыбе Похьёлы скалистой,
В недрах медного утеса.
Хорошо мне быть владыкой,
Обладательницей Сампо.

Лоухи уже созвала своих воинов, но Вяйнямёйнен берется за кантеле и волшебной игрой погружает людей Похьёлы в глубокий сон. После этого герои Калевалы вырывают Сампо из каменной пещеры Похьёлы и переносят на свое судно, чтобы увезти его в Калевалу и поместить на родном берегу, где оно служило бы всему народу.

Но прежде чем герои успевают приплыть к своим берегам, Лоухи пробуждается ото сна, поднимает вояк Похьёлы и устремляется в погоню за калевальцами. Приняв облик чудовищного орла, Лоухи догоняет их на море. Начинается страшный бой, в разгар которого Сампо скатывается в море и разбивается на куски. В ярости Лоухи вопит:

Власть моя отныне гибнет,
И могущество слабеет:
Под водой мое богатство,
В глубине у моря — Сампо.

Вяйнямёйнен собирает на берегу моря прибитые волнами обломки Сампо в надежде, что они хоть в какой-то мере могут быть употреблены на благо народа. Так и случилось. Благостояние народа поднимается. Это вызывает в Лоухи яростную зависть. Она строит козни, стремясь погубить «род Калевалы».

Вначале она насылает на них страшные повальные болезни, но Вяйнямёйнен вступает в борьбу с болезнями и в конце концов исцеляет больных. Затем Лоухи поднимает из леса медведя для уничтожения калевальских стад. Тогда Вяйнямёйнен берет выкованное Ильмариненом копье, уходит в лес и убивает медведя. Наконец Лоухи похищает солнце и месяц и заточает их в гору Похьёлы с тем, чтобы погубить калевальцев во тьме и холоде. Она крадет и огонь из очагов Калевалы.

Начинается борьба за свет. Первым делом Вяйнямёйнен и Ильмаринен отправляются на поиски огненного клубка, который, молнией блеснув на небе, упал, пожег лес и причинил другие бедствия. После многих перипетий и трудностей Вяйнямёйнен овладевает огнем и приносит его в очаги калевальцев.

Вяйнямёйнен устремляется в Похьёлу бороться за освобождение солнца. Там завязывается бой, в котором Вяйнямёйнен сокрушает воинов Похьёлы. Он находит пещеру, где заточены солнце и месяц, но ему не удается открыть засов руками, и он возвращается домой, чтобы заказать Ильмаринену необходимые орудия труда — кирки, ломы, ключи.

Когда Ильмаринен кует эти орудия Вяйнямёйнену, перед окном кузни появляется Лоухи, принявшая облик серого ястреба, и спрашивает, что делает кузнец. Ильмаринен отвечает, что он кует ошейник для хозяйки Похьёлы, чтобы «приковать старуху к твердому утесу». Лоухи пугается, ее боевой дух уже сломлен, и она улетает в Похьёлу, чтобы выпустить солнце и месяц из пещеры. Она вынуждена перенести и последнее унижение: сама прилетает — на этот раз в образе кроткого голу-

бя — к Ильмаринену сообщить ему о том, что солнце и месяц уже на свободе. Они и появляются на небосводе, чтобы светить на радость и счастье народа.

На этом заканчивается борьба между Калевалой и Похьёлой, представляющая собой основной остов в композиции эпоса. В эту канву вплетены остальные сюжеты и эпизоды «Калевалы»; все богатство идей и содержания эпоса связано именно с этой темой.

6

Герои «Калевалы» не боги, но люди. Выступающие в эпосе мифические существа и различные «духи» являются лишь неопределенными олицетворениями сил природы. Напротив, герои эпоса — люди, живущие полнокровной жизнью. Правда, в их образах можно заметить кое-какие следы, оставшиеся от мифологических преданий далеких эпох и магических воззрений. Особенно описание рождения и первых деяний Вяйнямёйнена в двух рунах в начале «Калевалы» окутано дымкой мифологических сказаний. Начиная с третьей руны, повествование приобретает более реалистический характер.

Но хотя герои «Калевалы» и являются людьми, люди они необыкновенные. Поэтическое творчество народа, создавшее в течение столетий эти героические типы, несомненно отразило в них черты многих существовавших в действительности, не известных нам личностей. В то же время фантазия народа наделила героев таким изобилием силы, деятельности и умения, которым в действительности не мог обладать ни один из их прообразов. В каждом из них содержится нечто необыкновенное, чему дивился и чем любовался народ. Именно поэтому народ и пел о них и об их подвигах свои бессмертные песни.

Вяйнямёйнен — знаменитый песнопевец, который становится победоносным предводителем своего народа в борьбе против черных сил Похьёлы.

В рунах он выступает также в качестве работника, наделенного самыми разносторонними способностями: пахарем, охотником, рыбаком, создателем кантеле, исцелителем больных, строителем лодки и опытным моряком. Но прежде всего он несравненный песнопевец.

В состязаниях по пению, на которые Вяйнямёйнен был вызван завидовавшим его искусству похьёлским хвастуном Еукахайненом, пение Вяйнямёйнена раздается так мощно, что

Всколыхнулись озера,
Горы медные дрожали,
Камни твердые трещали,
Со скалы скала валилась,
Раздроблялися утесы.

Слава Вяйнямёйнена основывается не только на искусстве пения, но также и на глубине его познаний. Среди народа он слывет «прорицателем», который обладает способностью заглянуть в прошлое и в будущее. Певцы рун рассказывают чудесные истории о его путешествиях в поисках знаний. За словами «о вещей происхождении» он ходил в подземное царство к усопшему исполину Антеро Випунену и выведывал у него древние руны и заклинания.

Весьма колоритен и характер Вяйнямёйнена. Мы видим, как он, истерзанный морскими волнами, плачет от бессилия, но мы также видим его твердо стоящим на корме своего челна во время бушующего шторма. Мы видим его иногда увлекающимся женихом, а в других случаях наставником народа. То он поддается власти нежных мелодий своего кантеле, то он как мужественный герой рвется в бой.

Смелость и решительность сочетаются в Вяйнямёйнене с спокойной рассудительностью. Он — воплощение мудрости. Когда в руне его называют «старым, верным», то под этим, очевидно, подра-

зумеается, что он опытный и надежный. У него зоркий глаз на людей. Он не высказывает своих истинных намерений первому встречному и порой, затаив улыбку, ведет беседу о посторонних вещах. Задумывая великое дело, Вяйнямйнен тщательно готовится к совершению его. В минуту опасности он действует решительно и смело, и тогда оказывается, что этот старый герой доблестью превосходит других.

Он — инициатор и руководитель похода героев Калевалы за Сампо. Его мудрость и подвиги имеют решающее значение как на различных этапах этого похода, так и во всех последующих боях за спасение народа Калевалы от злодеяний Лоухи.

Вяйнямйнен уходит со сцены, согласно последней руне эпоса, после появления на свет сына Марьятты (Марии по католической легенде), родившегося от проглоченной ею ягодки брусники. Когда сын Марьятты был окрещен «королем Карьялы, носителем всей власти», глубоко оскорбленный Вяйнямйнен уплывает вдаль на медном челне, оставив «народу вечную радость, потомкам великие песни».

Уходя, он, однако, пророчит, что в будущем еще вернется:

Вот исчезнет это время,
Дни пройдут и дни настанут,
Я опять здесь нужен буду,
Ждать, искать меня здесь будут,
Чтоб я вновь устроил Сампо,
Сделал короб многострунный,
Вновь пустил на небо месяц,
Солнцу снова дал свободу,
Ведь без месяца и солнца
Радость в мире невозможна.

Ильмаринен — знаменитый кузнец Калевалы. Это — статный мужчина цветущего возраста. Он молчалив, спокоен и всегда серьезен. Ильмаринен медлителен в действиях и нелегко берется за новое дело, если оно не относится к кузнечному мастерству.

Но в кузнице он — в своей стихии. Он кует целыми днями, нередко забывая на долгое время об окружающем мире. Он кует мечи, копья, плуги, косы, ножи, при надобности даже кольца и прочие женские украшения. В своем ремесле он подлинный виртуоз, который в работе над лучшими своими созданиями охвачен творческим вдохновением. Однажды Ильмаринен создал из золота и серебра настоящую скульптуру — прекрасную девицу, глядя на которую он и сам восхищается:

Милovidная ты, дева,
Если б чувством, если б словом,
Если б речью ты владела!

Величайшим творением Ильмаринена является Сампо. Именно за это карельский народ в своих рунах веками прославлял кузнеца Ильмаринена. В «Калевале» повествуется и о других подвигах Ильмаринена, благодаря которым он получил руку девицы Похъёлы: о том, как он вспахал змеиное поле, взнуздal страшного медведя и как при помощи выкованного из железа огнеликого орла поймал в реке смерти чудовищную щуку (девятнадцатая руна). Во время похода героев за Сампо, как и в других случаях, Ильмаринен является самым близким соратником Вяйнямйнена, его верным товарищем по оружию. Он не наделен качествами вождя, но он мужественный и непоколебимый воин, не говоря уже о его незаменимости в роли превосходного оружейного мастера калевальцев.

Лемминкяйнен — молодой удалый боец. Мать, очевидно, баловала его в детстве, и он вырос беззаботным и ветреным юношей. Лемминкяйнен увлекается плясуньями-девицами, в то же

время он отличный лыжник и искусно владеет мечом. Он бесстрашный смельчак, идущий навстречу опасностям. Но у него отсутствует рассудительность Вяйнямёйнена и серьезность Ильмаринена; к тому же он любит побахвалиться. Однако Лемминкяйнен обладает живостью и чувством юмора, качествами, которыми не одарен Ильмаринен.

Несмотря на слабости и недостатки характера Лемминкяйнена, народ явно благоволит к нему и любит его. Почему? Потому, что он наделен храбростью и готов в любой момент ринуться на черные силы Похьёлы, полагаясь на свою доблесть и свой сверкающий меч. В рунах о Лемминкяйнене карельский народ создал необычный образ удалого, дерзкого и искусного воителя.

Вместе с тем народ отнюдь не одобряет безрассудство и неосторожность Лемминкяйнена, его бахвальство. Эпос прямо не упрекает его в этом, но показывает, как необдуманные поступки Лемминкяйнена приводят к печальным последствиям. Это воспринимается как укор его поведению.

Так, во время первого похода в Похьёлу, когда Лемминкяйнен по коварному предложению Лоухи отправляется на охоту за «лебедом смерти», он попадает в ловушку и чуть не прощается с жизнью. Только самоотверженные усилия матери возвращают его к жизни. Последствием его второго похода является большое ответное нападение воjak Похьёлы, которые до основания уничтожают его родной дом. В третий поход он отправляется без достаточной подготовки на случай морозов, и его челн вмержает во льды моря, сам же он едва не погибает. Возвращаясь из похода за Сампо, Лемминкяйнен, несмотря на предупреждения Вяйнямёйнена, принялся петить-горланить, отчего журавль, стоящий на берегу, испугался, полетел с криком в Похьёлу и разбудил усыпленную Лоухи. За героями Калевалы снаряжается погоня. Правда, затем, при нападении Лоухи, Лемминкяйнен бойко орудовал своим мечом, но Сампо утонуло в море. За бахвальство народ наказывает его тем, что часто ставит в смешное положение. Тем не менее о недостатках и слабостях Лемминкяйнена говорят в «Калевале» с добродушным юмором — ведь как бы то ни было, он «муж превосходный», когда надо биться с воинством Похьёлы.

Особняком стоит в эпосе Куллерво, сын Калервы — сильный тип раба-мстителя. В характере его сочетается чувствительность обиженного судьбой юноши с чертами бунтарства.

С самого рождения Куллерво является рабом Унтамо — брата своего отца. Унтамо с вооруженной ватагой уничтожил дом его родителей и убил, как предполагали, всех его родных (впоследствии, однако, выясняется, что родителям Куллерво удалось убежать и скрыться в глухом лесу). Боясь, что из Куллерво может вырасти мститель за свой род, Унтамо хотел убить его еще ребенком, но это ему никак не удавалось. Старинные сказания повествуют о чудесном спасении мальчика от гибели в море, в пламени костра и даже на виселице.

Вскоре Куллерво подрос и стал необычайно сильным юношей. Унтамо думал, что в его лице он получил «раба, достойного сотни сильных». Но Куллерво портил всякую работу чрезмерным применением сил, — так дерзко проявлялся его протест против рабства. Унтамо, с целью избавиться от ставшего ему обременительным раба, продал его в Карелию кузнецу Ильмаринену.

После ряда злоключений Куллерво отправляется в поход против Унтамо. По пути он получает вести о смерти своих родных. Его трогает только смерть матери, но и эта весть не может заставить его вернуться к своему дому. Он рвется вперед и, наконец, достигает своей цели: уничтожает жильё Унтамо и все, что там было.

Тогда Куллерво почувствовал, что достиг цели, к которой он стремился с детства. Что ему еще оставалось в жизни? Он оказался окончательно за пределами общества. Он совершенно одинок. Единственный человек, который мог бы понять его, — это мать. Но и ее уже нет. Единственное живое существо, которое осталось при нем, это собака Мусти. Путь его лежит в глухую тайгу. Там, в лесной глуши, Куллерво выхватывает свой острый меч, втыкает его рукояткой в землю, и короткий, суровый разговор Куллерво с булатом кончается тем, что он бросается грудью на меч.

Так завершается трагическая судьба Куллерво. Народ восхищался его буйной силой и справедливой жаждой мести. Но Куллерво был только рабом-мстителем, не борцом за свободу. На заре человеческого общества, когда в недрах общинно-родового строя появилось патриархальное рабство — угнетенные еще не могли осознать своей целью совместную борьбу против угнетателей. Однако народ, создавший замечательный образ раба-бунтаря, как бы предвидел, что попытки в одиночку бороться с общественной несправедливостью обречены на неуспех.

7

Кто хочет понять подлинный дух «Калевалы», тому следует при чтении рун в первую очередь обратить внимание на то, какие ценности материальной и духовной культуры эпос выдвигает как объект наибольшего внимания и восхищения. Возьмем в качестве исходного пункта отношение рун «Калевалы» к технической культуре.

Обработка металлов, особенно железа, и их применение на практике было в свое время важнейшим культурным достижением человечества, оставившим глубокие следы и в мифологии многих народов. Легендарным кузнецом у древних греков был Гефест, у евреев — Тубалкаин, у римлян — Вулкан, у скандинавов — Тор. К таким образам мифологии относится и Ильмаринен, который

...выковал уж небо,
Крышу воздуха сковал он,
Так, что нет следов оковки
И следов клещей не видно.

В руне о «происхождении железа» мифологические элементы уже отодвинуты на задний план, и Ильмаринен выступает как настоящий кузнец и литейщик. В этой руне довольно реалистически, в соответствии с практическим опытом, описывается, как железо было добыто в болоте и принесено в кузницу, где кузнец сунул его в горнило; как он раздувал огонь и калил железо, затем, вынув его из огня, положил на наковальню и начал ковать. В той же руне перечисляются три основных вида железа: ковкое железо, чугун и сталь. Особое внимание уделено процессу закалки стали. Таким образом, дана весьма правдивая картина обработки железа.

Здесь со всей очевидностью проявляется тот факт, что железная культура в период расцвета калевальских рун носила еще характер новшества. Бронзовая культура не могла иметь ощутительного практического значения в жизни предков карельского народа. Они в действительности прямо перешли от пользования каменным топором к употреблению железного топора. Это было громадным прогрессом, влияние которого на развитие производительных сил ощущалось в жизни всех членов первобытного общества. Однако по многим причинам этот технический переворот совершился позднее, чем в других странах. Поэтому вполне понятно, что в то время, когда складывались героико-эпические руны «Калевалы», в народе было еще свежо сознание громадного общественного значения перехода к железным орудиям труда и оружию.

А. М. Горький неоднократно обращал особое внимание «на дальноркость образного, гипотетического, но уже технологического мышления первобытных людей», приводя характерные примеры из древних народных преданий. К этим примерам можно добавить из «Калевалы» такие творения Ильмаринена, как огнеликий орел и Сампо.

Из описания огнеликого орла можно вынести впечатление, что фантазия народа как бы предвосхитила в поэтической форме создание самолета. Об этом говорится в девятнадцатой руне:

И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Птицу огненную сделал,
Из огня орла сковал он,
Сделал пальцы из железа,
Из каленой стали когти,
Крылья из огромной лодки.
Сам взошел на эти крылья,
Сел он на спину у птицы,
На костях спины орлиной.

Ильмаринен летает в воздухе на крыльях выкованного им орла, и этот полет описывается следующим образом:

Воли одним крылом коснулся,
А другим достал до неба;
Загрывает дно когтями,
Клювом скалы задевает.

Созданное Ильмариненом Сампо представляет собой важнейший объект, за овладение которым идет борьба между народом Калевалы и силами Похьёлы.

Написано немало исследований по вопросу о том, что такое Сампо. Некоторые финские ученые не удовлетворялись тем понятием о Сампо, которое дано в рунах «Калевалы»; неприемлемым для них оказалось и толкование Лённрота. Оно, видимо, показалось им слишком материалистичным и, пожалуй, также слишком прогрессивным.

Для того чтобы вытеснить из сознания народа верное представление о Сампо, эти финские исследователи в течение десятилетий разыскивали в искаженных вариантах рун подкрепления всякого рода мифологическим и мистическим толкованиям этого образа. То оно истолковывалось ими как звезда-денница или столб, поддерживающий небосвод, то как лягушка, то как божий храм или знахарский бубен и т. п. Эти мудреные объяснения не имеют никакого отношения к тому образу Сампо, который дан в «Калевале».

Лённрот видел в Сампо символ всех отраслей производства. В языке древнего народа еще не родились такие общие понятия, как производство или «производственный механизм», но в своем стремлении к лучшей жизни народ уже был способен мечтать о грядущих достижениях техники. Убедившись на своем опыте, насколько увеличились результаты труда при пользовании железными орудиями, народ стал с уверенностью мечтать о том, чтобы какой-нибудь искусный мастер изготовил еще более удивительные орудия и механизмы. Поэтическая фантазия народа облекла эту мечту не в форму отвлеченных мыслей, а в конкретный образ Сампо.

Согласно рунам «Калевалы», Ильмаринен изготовил Сампо из материалов, по-видимому, совершенно ничтожных, но имеющих, как заметил Лённрот, символическое значение: это некоторые элементы земледелия, скотоводства и охотничьего промысла. Соответствующие образы повторяются в руне и тогда, когда Ильмаринен отливает Сампо: вначале из горнила появляется орудие охоты — лук, затем рыбацкая принадлежность — лодка, за которой следует, как символ скотоводства, телка и после этого наиболее важное орудие земледелия — плуг. Однако кузнец Ильмаринен не удовлетворяется этим и в конце концов создает Сампо, в котором соединены качества всех этих реаллий.

Этот удивительный механизм изображается как некая комбинация мельниц (в ней объединены три мельницы, дающие муку, соль и деньги). Сампо в разгар морского боя скатывается в море и разбивается на мелкие куски, но даже его обломки обладают чудодейственными свойствами. Морские

волны прибывают их к берегу, и обрадованный Вяйнямйнен собирает эти ценные частицы, которые приумножают эффект труда, и выражает уверенность:

Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало,
Выйдут пашни и посевы
И различные растенья!

Если смысл образа Сампо и выражен в «Калевале» не вполне отчетливо, то надо учесть, что люди тех далеких веков не умели выражать свои чаяния в логически более развитой форме. Удивления здесь заслуживает отнюдь не «загадочность» Сампо, придуманная реакционными учеными, а тот действительно поразительный факт, что в эпоху, когда люди еще не знали никаких механизмов, они уже слагали руны о новых орудиях, которые освободили бы людей от чрезмерно тяжелого труда и дали бы возможность создавать все, что нужно для благосостояния народа.

Вообще в рунах «Калевалы» значительное место занимает выражение чаяний народа. Образы Вяйнямйнена и Ильмаринена наделены качествами мудрых и смелых служителей народа. Напротив, в образах Лоухи и других обитателей Похьёлы собраны отрицательные черты, корыстные устремления. Выступая против завистливости, алчности и властолюбия Лоухи, герои «Калевалы» борются за всеобщее счастье народа, на благо ему они стремятся обратить и чудесную созидательную способность Сампо. В прощальной песне Вяйнямйнен предсказывает, что настанет время — и он понадобится людям, чтобы создать новое Сампо; здесь Сампо явно представлено как «счастья вечного начало», как ценнейшее орудие труда будущего.

Мечта о счастливом будущем выражена также в цикле рун, сюжетом которых является «борьба за свет». На севере, где обитали древние карелы, солнце порой на многие недели скрывается от людей. Это обстоятельство, а также такие явления природы, как затмение солнца и луны, могло породить в сознании первобытного человека наивные представления о злых силах, способных похитить светило.

Но как бы то ни было, современный читатель воспринимает содержание упомянутых рун только как образное изложение: калевальцы, народ света, борются с силами тьмы. Лоухи похищает солнце не для того, чтобы Похьёла получила больше света, но чтобы обречь сынов Калевалы на тьму, голод, отчаяние. В конце концов мужество Вяйнямйнена одерживает верх над кознями врагов, солнце снова появляется на небосводе, и его приветствуют как залог счастья, здоровья и трудового успеха народа.

Из моральных ценностей, которые почитаются калевальцами, предметом особого восхищения во многих эпизодах эпоса выступает материнская любовь и сыновнее уважение к матери. Эпические руны «Калевалы» показывают, что женщина вообще занимала почетное место в первобытном обществе Карелии. Особенно замечателен в этом отношении образ матери Лемминкяйна.

Она — олицетворение безграничной материнской любви. Начиная с того момента, когда она узнает, что ее сыну угрожает смертельная опасность (пятнадцатая руна), она устремляется искать свое «золотое яблочко», обыскивает тайгу и обшаривает граблями все глубины реки смерти, пока, наконец, не находит части тела своего убитого сына. Она горько плачет над ними, страстная материнская любовь заставляет ее собрать их, соединяя «кости с костями, жилы с жилами», с безграничной нежностью накладывает она целительное снадобье на израненное тело своего безжизненного сына, сосредоточив всю свою духовную силу в одной единственной надежде: вернуть его к жизни.

Эпизод чудесного воскрешения из мертвых, порожденный фантастическими представлениями древних, воспринимается не более как образ, поэтический смысл которого — изображение силы материнской любви, настолько великой, что она в состоянии победить даже смерть. Понятая таким образом, эта руна, несмотря на свою фантастическую форму, раскрывается для нас как гимн материнской любви.

«Калевала» дает весьма многостороннее представление о жизни, воззрениях, идеалах древних карелов. В частности, в эпосе получили отражение и такие проявления культуры, как чистота тела, бодрость, закалка. Руны воспевают мытье в бане, плавание под парусом, увлекательно описано в руне тринадцатой хождение на лыжах. Но кульминационными в поэзии «Калевалы» являются руны, показывающие эстетическое воздействие на калевальцев музыки и пения. В описаниях песнопений Вяйнямёйнена и Випунена (третья и семнадцатая руны) стиль «Калевалы» — высокий, торжественный. Прекрасна песня Лемминкяйнена, исполняемая им на радость девиц на острове (двадцать девятая руна).

В древней поэзии многих народов имеются, как известно, рассказы о чудесных музыкантах, которые своей игрой чаруют природу. Руны «Калевалы», посвященные искусству пения и игры на кантеле Вяйнямёйнена, стоят в ряду лучших образцов мировой эпической поэзии. Чувство радости овладевает всеми, кто слушает игру Вяйнямёйнена. Недаром, собираясь делать кантеле из ствола березы, он говорит плачущему дереву:

Ты не плачь, моя березка...
Белый пояс, не печалься!
Ты еще узнаешь счастье
В жизни новой, наилучшей,
Ты от радости заплачешь,
Зазвучишь от наслажденья.

Под влиянием игры Вяйнямёйнена грусть превращается в радость, а радость переполняет сердца слушателей и невольно изливается у них слезами. Вяйнямёйнен и сам проливает светлые слезы, которые скатываются «на берег синего моря, в глубину воды прозрачной». Синяя утка достает слезинки Вяйнямёйнена, и тогда все видят, что они превратились в жемчужины, в кристаллы дивных мелодий.

Все это, как нам кажется, весьма полно показывает, каким духом пронизана поэзия «Калевалы». Тщетны псевдонаучные попытки приписать викингам этот гуманистичный эпос, проникнутый стремлением к прогрессу и культуре. Непосредственные описания боевых схваток в «Калевале» иногда настолько коротки и поверхностны, что создается впечатление, будто певцы рун намеренно старались не останавливать внимание слушателей на жестоких и кровавых боях. Калевальские герои, бесспорно, проявляют исключительное мужество и бесстрашие, но они никогда не прибегают к жестокости, и ни один из них не пытается награть для себя драгоценностей или имущества. Наоборот, борьба калевальского народа направлена против корыстных захватнических вождельцев.

Правда, следует отметить, что изображенная в «Калевале» победа общинно-родового общества в борьбе с грабительскими устремлениями Похьёлы находилась в противоречии с закономерными тенденциями исторического развития. Разложение первобытной общины было исторической необходимостью, хотя это и означало, как показал Ф. Энгельс на примере ирокезских племен, «прямой упадок, грехопадение с простой моральной высоты старого родового строя». «Самые низменные интересы — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния — являются восприимчивыми для нового цивилизованного классового общества».¹

Таким образом, представляется, что победа калевальцев была лишь временным успехом... Однако чаяния и идеалы, отражающиеся в героических песнях о борьбе калевальского народа против сил мрака, были настолько далеко устремлены, что современный читатель может видеть в них мечту — во всяком случае смутно мелькающую мечту — о далеком счастливом будущем человечества.

Это вдохновенное стремление вперед к лучшему, к высшему, выраженное с такой силой в образах «Калевалы», не может не привлекать к ней сердца передовых людей и в наши дни.

¹ Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Госполитиздат, 1952, стр. 101.

Вопрос об отражении первобытного мышления в рунах «Калевалы» не может быть здесь рассмотрен во всей его широте. Мы коснемся его лишь постольку, поскольку это необходимо для правильного понимания некоторых сторон этого эпоса.

Многие реалистические подробности в описаниях «Калевалы» показывают, что творцы и певцы рун стремились к правдивости и достоверности. И в то же время стиль и язык «Калевалы» отражают еще недостаточную развитость логического и абстрактного мышления. Это можно увидеть в неточном употреблении числительных, когда, например, говорится, что каких-то предметов было шесть, но сразу после этого сообщается, что их было девять и т. п. Объем, величина какого-нибудь явления или количество чего-нибудь изображаются иногда совершенно нереальными гиперболами. Иногда одно и то же дерево называется и дубом и березой, одна и та же птица — синицей и дроздом и т. д.

Язык «Калевалы» беден абстрактными понятиями, но очень богат образными выражениями. Не только каждое предложение, но обычно и каждая часть предложения передается двусторонними, содержащими два параллельных образа или два свойства образа. При этом повторный стих обычно приносит с собой новый оттенок мысли или совершенно новый образ. В «Калевале» почти каждая мысль преподносится нам ступень за ступенью, последовательно появляется в поле нашего зрения как бы в виде четырех, пяти, шести разноцветных волн. Отсюда все новые вариации, способы развития образов, изложение приобретает красочность, и все это усиливает поэтическое звучание руны.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в «Калевале» присутствует много сказочной фантастики.

Песнопевцы первобытного общества, хотя они и стремились излагать события достоверно, — не брали свои сюжеты непосредственно из обыденной жизни. Они рассказывали о событиях, более знаменательных, о подвигах, свершеньях которых под силу лишь богатырям. Сюжетным материалом для рунопевцев служили народные сказания об удивительных делах Вяйнямйнена, Ильмаринена, Лемминкяйнена и Куллерво. Первобытные люди, в том числе и песнопевцы, не были в состоянии так критически и сознательно, как современный человек, отличить действительность от фантастики. Знания и опыт людей, их знакомство даже с элементарными законами природы были в те времена еще очень незначительны, чтобы сдерживать полет фантазии, улетавшей иногда далеко за пределы действительности.

Все это, конечно, не исключает поэтическую ценность фантастических и сказочных картин «Калевалы». Многие поэты различных времен и народов использовали подобные же фантастические сюжеты старинных преданий, создавая на их основе поэмы, имеющие непреходящую ценность.

В «Калевале» отражается и присущее людям древности преклонение перед силой слова. Люди не в состоянии еще были правильно понять сложный процесс развития языка, появление в нем дотоле неведомых слов и сочетаний, — и объясняли это чудесными причинами. Особенно впечатляла слушателей аффективная поэтическая речь певцов, приобретающая в творческом процессе пения неожиданную свежесть, краски, оттенки. Сильнее всего воздействовали слова, выражающие страсть и волнение.

Слушатели рун подчас зримо ощущали причудливые предметы и события, рожденные фантазией певца. От этого оставался только один шаг до представления, будто герои могли силой слова вызвать описываемые в рунах чудесные превращения. Так, например, Вяйнямйнен в Похьёле силой пения открывает ворота каменной крепости, где было заточено Сампо:

Эту проявляющуюся в «Калевале» веру в мощное воздействие слова и пения не следует, однако, преувеличивать. Местами даже в самом эпосе дается как бы намек на то, что этот рассказ о чудесах не следует понимать слишком буквально. Так, например, в руне десятой, в которой Вяйнямйнен

пением вызвал, «напел» на ветку ели месяц и Большую Медведицу, а затем хитренько предложил Ильмаринену подняться на дерево, чтобы достать их, эпос заставляет ель выразить свое удивление легковерием Ильмаринена:

Муж ты слишком простодушный,
Богатырь без всякой сметки!
Лезешь ты, простак, на ветви,
Как ребенок на вершину,
Чтобы снять тот мнимый месяц,
Это марево созвездья.

Только непонимание поэтического смысла и образности языка «Калевалы» могло привести к тому, что некоторые этнографы увидели в «Калевале» сплошную магию и колдовство.

Руны «Калевалы» надо читать как поэзию, в которой соответствующие первобытному мышлению поэтические образы зачастую лишь косвенно выражают основной смысл руны. Когда, например, в сорок первой руны рассказывается, что музыка Вяйнямёйнена зачаровала даже всех лесных зверей и птиц, то нельзя считать это каким-то колдовством. Ведь это лишь образ, передающий прелесть и художественную действенность музыки. В тридцать третьей руны мы читаем о том, как проклятие Куллерво исполнилось и коровы, которых он пас, превратились в зверей, якобы напавших затем на жену кузнеца. Однако нетрудно понять, что это магическое превращение приведено отнюдь не для того, чтобы показать, каким удивительным колдуном был несчастный юный раб, но для того, чтобы выразить глубину его горя и силу гнева. Вера первобытного человека в силу поэтического слова создавала благоприятную психологическую почву для богатого развития эпического песнопения. В то же время это явление несомненно способствовало развитию веры в магическую силу заклинаний.

Правда, Лённрот включил в состав «Калевалы» немало заклинаний и заговоров. Но он, разумеется, выбрал из массы собранного материала заклинания, которые были обработаны певцами и представляли определенную поэтическую ценность. Следовательно, и эти элементы «Калевалы» необходимо рассматривать как поэзию, не смешивая их с бессмысленным бормотанием и формулами шаманов.

Колдуны и шаманы выступают в рунах как отрицательные персонажи, как враги калевальского народа. Совершенно ошибочно было бы относить к ним Вяйнямёйнена, который является мудрым старейшиной, вождем рода. В «Калевале» колдуны и ведьмы — обитатели Похьёлы. Несчастья, болезни и стихийные бедствия часто объясняются в «Калевале» злыми наговорами и заклинаниями, идущими от исчадий страны мрака.

Из эпоса видно, что калевальцы боялись колдовства. Разумеется, такая боязнь сама по себе уже была суеверием, но руны доказывают, что люди Калевалы стремились освободиться от подобной боязни.

Народ в своей поэзии создал образы героев, которые наделены тем качеством, что они никогда не боялись ни колдунов, ни ведьм. Это их бесстрашие было предметом особого восхищения народа, за это народ превозносит Вяйнямёйнена и других героев «Калевалы».

В труде и в опасностях калевальцы зачастую обращаются за помощью к «духам» и мифологическим существам. Чувствуя свое бессилие перед непонятными силами природы, люди тех далеких веков представляли эти силы какими-то призрачными существами и пытались влиять на них своими призывами, мольбой, подчас и угрозами.

Таковыми духами являются в «Калевале», например, Тапио — хозяин леса, Миэликки — хозяйка леса, Велламо — хозяйка воды, Ахто — владыка волн, а также «правлящий всеми облаками» Укко (Старик), которого называют еще «богом верховным». Эти образы языческих верований еще слыш-

ком неопределенны и пассивны, чтобы сравнивать их с богами древних греков и римлян, хотя возможно, что они и отражают начало развития мифологического верования. Характерно, что в «Калевале» нет воспевания религиозного культа и его служителей; обряды почитания предков и система религиозных запретов, фетишизм и традиционные магические церемонии — не отображены в рунах, если не считать намеков на них в двух-трех местах эпоса.

В поэзии «Калевалы» явственно выступает антропоморфизм — наделение природы человеческими качествами. В рунах встречаются эпизоды, когда, например, птицы и рыбы дают добрые советы людям, заяц приносит печальные вести, солнце, месяц и звезды беседуют, челнок плачет, дорога и береза жалуется на горькую судьбу, деревья кусаются, железо дает клятву, меч повествует о кровопролитии и т. д.

К сожалению, в композицию «Калевалы» проникли некоторые чуждые ее общему характеру элементы более позднего происхождения — в частности, несколько десятков стихов и обращений христианско-религиозного порядка. Возможно, Лённрот хотел смягчить сопротивление финляндского духовенства изданию и распространению эпоса. Так, в конце шестнадцатой руны, где описывается посещение Вяйнямёйненем обиталища мертвых, Лённрот добавил христиански окрашенное изображение ада, которое сильно отличается от нарисованного в той же руне представления древних карелов об обиталище мертвых.

Такие позднейшие напластования, которых в «Калевале» не так уж много, читатель легко обнаружит сам. Они вносят в эпос известную дисгармонию. Только клерикально настроенные исследователи могли истолковывать содержание «Калевалы» в духе мистико-религиозных представлений. В свое время тенденциозное толкование К. Крона было не критически воспринято профессором Д. Бубрихом, утверждавшим во вступительной статье к русскому изданию эпоса 1933 года, что руны «Калевалы» якобы «проникнуты духом католицизма» и что «католицизм был именно той средой, в которой руны... достигли наибольшего своего развития». Позднее проф. Бубрих заявил, что он убедился в ошибочности этой теории.

Христианство по своей исторической роли является идеологией, служившей господствующим классам. Церковь веками «учила» народ пренебрегать земной жизнью, бояться бога и черта, безропотно повиноваться власти имущим.

Поэзия «Калевалы» свободна от этого выращенного и навязанного классовым обществом духа рабопения. При всей неразвитости условий жизни и представлений о мире в первобытной общине народ, творец «Калевалы», обладал оптимистическим воззрением, смело и уверенно смотрел в свое будущее.

«Калевала» — не только замечательный литературный памятник прошлого. Ее значение для современной передовой культуры не исчерпывается познавательными качествами.

Алексей Максимович Горький не раз обращал внимание на содержательность и поэтические достоинства «Калевалы». Ознакомление с древней народной поэзией и правильное понимание ее внутренней целеустремленности он считал немаловажным фактором развития социалистической культуры и в частности современной поэзии.

Знакомясь с «Калевалой», современный читатель может оценить оптимизм далеких предков карело-финского народа, которые, преодолевая невероятные трудности и опасности жизни среди суровой природы, борясь с окружающими враждебными силами, в высокопоэтических рунах выражали чаяния о конечном торжестве человека над силами тьмы.

Слабость общинно-родового строя состояла в крайней неразвитости производительных сил, ограниченности его материальной основы. Но источником жизненной силы общества был коллективный труд членов рода. Из этого источника черпала свои жизненные соки и поэзия первобытного народа. Когда же общественное развитие в своем движении по исторической спирали прошло через все противоречия классового общества и пришло в нашей советской стране к совершенно новой, высшей стадии коллективной организации общества, открылись такие невиданные возможности для удовлетворения материальных и культурных потребностей людей, о которых не могли и мечтать народные певцы древности.

О. КУУСИНЕН